

Багаутдинова Г. Г. Стилиевые факторы «орнаментальной прозы» в творчестве И. А. Гончарова / Г. Г. Багаутдинова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 191—205. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-191-205.

Bagautdinova, G. G. (2023). Stylistic Factors of “Ornamental Prose” in Work of I. A. Goncharov. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 191-205. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-191-205. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-191-205

Стилиевые факторы «орнаментальной прозы» в творчестве И. А. Гончарова

Багаутдинова Гульзада Гадульяновна
orcid.org/0000-0003-1709-1087

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры русской литературы
и методики ее преподавания
gbagautdinova@yandex.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
(Казань, Россия)

Stylistic Factors of “Ornamental Prose” in Work of I. A. Goncharov

Gulzada G. Bagautdinova
orcid.org/0000-0003-1709-1087

PhD in Philology, Associate Professor,
Doctoral Candidate, Department
of Russian Literature and Methods of its
Teaching
gbagautdinova@yandex.ru

Kazan (Volga region)
Federal University
(Kazan, Russia)

© Багаутдинова Г. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Русская литература «золотого века» не рассматривалась в аспекте орнаментальности, за исключением некоторых произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова. Актуальность статьи определяется тем, что «орнаментальность» позволяет выявить особенности поэтики на протяжении всего творческого пути И. А. Гончарова. Научная новизна заключается в том, что автор обращается к малоизученной проблеме в гончароведении — «орнаментальной прозе», изучение которой позволяет затронуть и невыявленные вопросы ритма. Выполнен анализ некоторых орнаментальных средств, преимущественно на материале «малой» прозы И. А. Гончарова. Утверждается, что писатель использует различные фигуры повтора, основанные на смысловой избыточности, и орнаментальные средства, ориентированные на симметрию. Вводится понятие полиритмичности применительно к ритмической структуре произведений И. А. Гончарова. Таким образом, в произведениях писателя создается ритм, основанный на смысловой «плетенке», и соблюдается принцип симметрии, созданный художественными приемами «орнаментальной прозы» и «ритмической прозы». Все это позволяет структурировать текст и преодолеть его формально-содержательную энтропию, что определяет уникальность «орнаментальности» в сочинениях И. А. Гончарова.

Ключевые слова:

орнаментальная проза; И. А. Гончаров; фигуры речи; симметрия; ритмическая проза; полиритмичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Literature of the “golden age” of Russian literature, as a rule, was not considered in terms of ornamentality, with the exception of some works by A. S. Pushkin, N. V. Gogol, A. P. Chekhov. The relevance of the article is determined by the fact that “ornamentality” makes it possible to identify the features of poetics throughout the entire career of I. A. Goncharov. The scientific novelty lies in the fact that the author refers to a little-studied problem in pottery — “ornamental prose”, the study of which allows touching on the unidentified issues of rhythm. Some ornamental means mainly on the material of the “small” prose of I. A. Goncharov analyzed in the article. The author of the article concludes that the writer uses various figures of repetition, based on semantic redundancy, and ornamental means, focused on symmetry. The concept of polyrhythm is introduced in relation to the rhythmic structure of works by I. A. Goncharov. Thus, a rhythm is created based on the semantic “braiding”, and the principle of symmetry created by the artistic techniques of “ornamental prose” and “rhythmic prose” is observed. All this makes it possible to structure the text and overcome its formal content entropy, which determines the uniqueness of I. A. Goncharov’s “ornamentality”.

Key words:

ornamental prose; I. A. Goncharov; figures of speech; symmetry; rhythmic prose; polyrhythm.

Стилевые факторы «орнаментальной прозы» в творчестве И. А. Гончарова

© Багаутдинова Г. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления специфики «орнаментальности» в творчестве И. А. Гончарова, поскольку «орнаментальная проза» выражает доминантные особенности поэтики писателя.

Признаки «орнаментальной прозы» выявляются на протяжении всего творчества писателя, но могут варьироваться: например, в романах И. А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» «орнамент» создают не только разные орнаментальные средства, но и мотивы, тогда как во многих произведениях малой прозы писателя преобладают орнаментальные средства.

Исследование «орнаментальной прозы» невозможно без изучения ее ритмической организации, поскольку ритм является существенной стороной поэтики подобных произведений. Ритм «Обыкновенной истории» и «Обломова» И. А. Гончарова находился в исследовательском ракурсе гончароведов [Гузь, 2013, Пыrkов, 2017], но не рассматривался в аспекте «орнаментальной прозы».

Ранее мы изложили некоторые наши наблюдения над ритмической организацией произведений, написанных в разные периоды творчества писателя [Багаутдинова, 2018; Багаутдинова, 2021; Багаутдинова, 2022]. Нами было доказано, что своеобразие ритма прозы в творчестве И. А. Гончарова определяют, среди прочих ритмообразующих факторов, разнообразные фигуры речи: лексические повторы, грамматико-синтаксические повторы, основанные на симметрии, например, хиазмы, симплоки, которые в свою очередь определяют стиливое своеобразие «орнаментальной прозы».

Научная новизна данной статьи определяется специальным анализом ритмико-стилевого своеобразия произведений И. А. Гончарова в аспекте «орнаментальности». Под *стилем* понимается в работе «эстетическая целостность содержательной формы, системное единство общеэстетических принципов и формальных компонентов или носителей стиля...» [ЛЭС, с. 421].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

«Орнаментальная проза» восходит к стилю «плетение словес», или стилю второго южнославянского влияния [Прохоров, 1968], расцвет которого приходится на конец XIV — начало XV веков — эпоху Предвозрождения [Лихачев, 1973].

С. Матхаузерова включает стиль плетения словес в общую теорию древнерусского стиха, несмотря на то, что в Древней Руси отмечается господство прозы [Матхаузерова, 1986]. Логика ученого понятна, так как «орнаментальность» предполагает ритмичность, а разделение на стих и прозу, по мнению М. Л. Гаспарова, появилось лишь в начале XVII века: «До этого вместо противоположности «стих — проза» в сознании древнерусского человека жила другая противоположность: «текст поющийся — текст произносимый» [Гаспаров, 1985, с. 264].

Одним из аргументов осмысления стиля «плетения словес» как специфического вида стихотворной культуры является его связь со словом *ирмос* — «плетение», или «вязань», «извитие». С. Матхаузерова в своих выводах опирается на статьи Евфимия Чудовского, одного из самых образованных московских книжников XVII века.

Организирующим ритмическим принципом в стиле «плетения словес», по мнению С. Матхаузерой, является тот, который имеет место в геометрии орнамента [Матхаузерова, 1986, с. 89—90]. Ритмическое ожидание в орнаменте вызывает «принцип смены простых и сложных мотивов, восприятие сложного мотива как конструкции более простых мотивов, соединение и разъединение мотивов, включение одних мотивов в другие...» [Там же, с. 89]. Мотивом здесь называются повторяющиеся художественные элементы. Как считает С. Матхаузерова, «по примеру ирмоса и во всем плетении словес важную роль играют повторение и варьирование однозначных, однокоренных иди даже однозвучных слов и их взаимные комбинации» [Там же].

С. Матхаузерова обратила внимание на семантическую сторону создания ритма в стиле «плетения словес». О. Ф. Коновалова, также исследовавшая этот стиль, не исключала среди ритмообразующих факторов и другие приемы, например, звуковые, синтаксические повторы: «Плетение словес — это своеобразный словесный орнамент, представляющий собой сочетание однокоренных и созвучных слов, синонимии и ритмики речи, сложного синтаксиса и нагнетания однородных сравнений и эпитетов...» [Коновалова, 1966, с. 101].

Если истоки «орнаментальности» заложены в древнерусской литературе, то ее последующее развитие исследователи усматривают главным образом в истории литературы Серебряного века, а также в 20—30-е годы XX века и связывают основные тенденции стиля с творчеством А. Белого,

А. Ремизова, И. Бабеля, Е. Замятина, Б. Пильняка [Голубков, 1992; Долгополов, 1988; Кожевникова, 1976; Колобаева, 1994].

По словам Н. А. Кожевниковой, «основа организации текста в орнаментальной прозе — повтор и возникающие на его основе сквозная словесная тема и лейтмотив» [Кожевникова, 1976, с. 56]. Принцип лейтмотивности является конструктивным в орнаментальной прозе: «Повторяются не только определенные слова, но и слова одного смыслового плана, отдельные предложения, образы, целые сцены. Текст организуют сходные и контрастные внутренние словесные темы и лейтмотивы, которые создают его единство» [Там же, с. 57]. Кроме того, «наиболее существенный признак, по которому орнаментальная ... проза противопоставлена повествовательной норме, — тяготение к непрямому словоупотреблению» [Там же]. Таким образом, ритм в подобной прозе создается преимущественно за счет смыслового повтора.

Немецкий исследователь В. Шмид, помимо вышеназванного историко-литературного периода, «поэтическое» начало усматривает также в прозе 19 века: А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова [Шмид, 1998]. В. Шмид так же, как и российские исследователи, считает, что орнаментальная проза сродни поэтической, поэтому в ней на первый план выходит не нарратив, а ассоциативность, ритм, лейтмотивность. Об «орнаментальности» говорят применительно к прозе, которая тесно связана с мифами; так или иначе лишена событийности («проза как поэзия»); наделена более всего ассоциативными семантико-тематическими перекличками и метафорически «украшена» [Там же; Шмид, 2003].

В отличие от «орнаментальной прозы» 20 века, «орнаментальная проза» XIX века недостаточно подробно изучена, а «орнаментальная проза» И. А. Гончарова и вовсе не была предметом научных изысканий филологов. Тогда как гипотетически (на уровне текстуальных наблюдений произведений писателя) предполагаем, что «орнаментальная проза» И. А. Гончарова воплощает доминантные особенности поэтики творчества этого писателя.

Кроме того, подытоживая наблюдения литературоведов, исследовавших стиль «орнаментальной прозы», начиная с ее истоков — стиля «плетения словес» — и заканчивая литературой XX века, отметим, что ритм в прозе И. А. Гончарова является одним из основных компонентов, определяющих ее художественные особенности.

Фигуры речи в контексте «орнаментальной прозы», как правило, лишь упоминаются, но редко рассматриваются, за исключением ассонансов и аллитераций, тогда как «орнаментальная проза» чрезвычайно насыщена и «украшена» весьма причудливыми фигурами речи, что вполне логично для ее специфики. «Орнаментальная проза» выражает «идею затрудненной формы» [Кожевникова, 1976, с. 58].

Основным материалом для исследования послужило позднее творчество писателя — произведения: «Литературный вечер» (1880), «Слуги старого века» (1888), «Превратность судьбы» (1891). Для контекстуального анализа привлекаются романы писателя: «Обыкновенная история» (1847), «Обрыв» (1869).

Анализ художественных приемов на данном этапе работы позволяет выявить закономерности употребления того или иного компонента «орнаментальной прозы» в произведениях И. А. Гончарова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Рассмотрим фигуры речи, формирующие «избыточность» смысла, поскольку они образованы лексическими, тавтологическими повторами, характерными для стиля «орнаментальной прозы».

3.1. Фигуры прибавления в «малой» прозе И. А. Гончарова 1880—1890-х годов

Полиптон («Литературный вечер»): «Григорий Петрович вытащил его из гнезда, обещал *хороший* роман, *хорошее* общество, *хороших*, даже прекрасных дам и *хороший* ужин» [Гончаров, 1980, с. 39]. Четырехкратный повтор в различных грамматических формах лексемы *хороший*, притом в сочетании с разными определяемыми словами, создает градацию. Кроме того, возникает двойной ритм: на уровне грамматики (перечисляются однородные дополнения *роман, общество, ужин*) и на уровне семантики: тавтологическое употребление лексемы *хороший* создает своего рода заволаживающую своей повторяемостью семантическую «плетенку».

Этот же прием наблюдаем в очерке «Превратности судьбы»: «Возы брали из амбара *кули* и отвозили купцам, а Хабаров отмечал число *кулей*...» [Гончаров, 1952, с. 485].

Удвоение. Эта фигура речи встречается нередко в очерках И. А. Гончарова, например в «Слугах старого века»: «Ах ты, *тихоня, тихоня!*»; «*пирожок...пирожок...* принесли!»; «*Ступайте! Ступайте!*» [Гончаров, 1980, с. 150]. Причем удвоение слов сопровождается аллитерацией звуков [х], [т], [п] в смежных словах. В очерке «Уха»: «*Придет, придет!*...»; «*сейчас, сейчас!*...» [Там же, с. 215]. В очерке «Превратности судьбы»: «...но усердствовал все *более и более*...» [Гончаров, 1952, с. 483].

Многократный повтор одного и того же слова: «А если она полезла к вам, да еще грозит мне, так нарочно, назло ей, *буду* ходить, *буду, буду!*» («Слуги старого века») [Гончаров, 1980, с. 143]. Или: «Через пять минут я *опять* позвонил, и *опять, и опять*» [Там же, с. 149]. И. А. Гончаров усиливает художественный эффект звукописью: аллитерациями [п], [т] и ассонансами [а]. Кроме того, наречие *опять*, если присмотреться к его

звукобуквенному составу, заключает в себе лексему *пять*, которая является отдельным структурно-семантическим компонентом этого предложения, — созвучные слова нарочито сталкиваются в пределах одного предложения, возникает игра слов.

Кольцо: В «Слугах старого века»: «...с остатками переплета или вовсе без переплета» [Гончаров, 1980, с. 130]; «я жил тогда в том же доме, где и теперь живу» [Там же, с. 152]. Даже в контексте небольшого предложения Гончаров стремится к разнообразию ритма, употребляя однокоренные слова, реализующие различные словообразовательные модели: «...пить, но не упиваться!» [Там же, с. 151]. В очерке «Уха»: «Уха вышла на славу, совершенно Демьянова уха» [Там же, с. 214].

Частотным в прозе И. А. Гончарова является орнаментальное средство, основанное на симметрии, — хиазм. В малой прозе писателя встречаются разные виды хиазмов.

(1) Классический хиазм, в котором прослеживается синтаксический параллелизм и полная инверсия. Например, в «Литературном вечере» (1880): «Если ты считаешь меня равнодушным к романам или вообще к литературе, то все же это не значит, чтобы я был равнодушен к тебе и к твоему произведению» [Гончаров, 1980, с. 33]; «...будут довольны слушатели автором и автор слушателями — дело для него совсем не в том» [Там же, с. 34].

(2) Двойной хиазм, то есть в пределах двух смежных предложениях образуются две тождественные инвертивные конструкции: «В свободные утра он или сам ехал, или к нему ехали с визитами; потом он обедал у знакомых или у него обедали знакомые» [Там же, с. 33];

(3) Встречаются хиазмы, в инвертируемых частях которого возникает дополнительный смысл. Э. М. Береговская называет подобный вид хиазма «семантически осложненным хиазмом» [Береговская, 2004, с. 24]. Например, в очерке «Литературный вечер» Красноперов говорит журналисту: «...вовсе не от избытка благоговения не упоминаете вы о боге, а потому, что не веруете! Или веруете по Ренану: спаситель-де принес в мир прекрасное учение, а сам был хороший человек, а не бог!» [Гончаров, 1980, с. 73]. Образуется семантически осложненный хиазм, в котором не просто инвертивно повторяются части предложений, а добавляется новый смысл: «не веруете или веруете по Ренану»;

(4) В «Слугах старого века» слуга Матвей говорит: «Если что изнаосится или разобьется, вы извольте отметить на «ерестрике», — приставал он ко мне, — а если я что разобью или потеряю, так из жалованья у меня вычтете...» [Там же, с. 173]. Во второй части хиазма происходит замена «повторяющегося» слова: вместо «изнаосится» употребляется «потеряю».

Кроме того, появляется новое значение в хиастическом обороте, так как Матвей в силу своей щепетильности предлагает своему хозяину разные варианты поддержания его благосостояния. Конечно же, в контексте этот хиастический оборот приобретает комическую направленность.

(5) Хиазмы, образованные фразеологизмами, можно обнаружить в «Слугах старого века» (1888): «Впрочем, в наше нестрогое литературное время многое и многим сходит легко с рук: может быть, и мне сойдет» [Там же, с. 129]. Возникает своего рода каламбур из-за усечения во второй части хиазма компонента *с рук*. Или: «Он переносил все: и побои своего барина, терпел постоянную голодуху, падал силами от работы, но не падал духом» [Там же, с. 178]. Данный хиазм образуется частичным лексическим повтором, в результате которого образуется новое устойчивое выражение с жизнеутверждающим смыслом — *не падал духом*, в основу которого положен фразеологизм с противоположным значением — *падать духом*. В первой части хиазма повторяется слово *падал*, которое соединяется в первой части с предложно-падежной конструкцией *от работы*, а во второй части к глаголу прибавляется частица *не* и лексема *духом*;

(6) Хиазм-цитата, то есть хиазм, созданный «чужим словом». Например, в «Слугах старого века» цитируется фраза из последней строфы восьмой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: *«Иных уж нет, а те дале-че»* [Там же, с. 156]. Кроме того, эта цитата-хиазм является своего рода множественной цитатой, поскольку встречается у А. С. Пушкина в «Бахчисарайском фонтане», в характеристике авторства которой он в свою очередь, как известно, указывает Саади. Кроме того, эта цитата одновременно является и фразеологизмом, точнее, она стала им (на правах крылатого выражения) впоследствии.

Валентин — один из главных персонажей цикла очерков — читает нараспев «Песню («Минувших дней очарованье...») В. А. Жуковского: «И зримо ей в минуту стало незримое с давнишних пор» [Там же, с. 137].

Если оценивать частотность орнаментальных средств, то в прозе малых и средних эпических форм самым частотным орнаментальным средством хиазм оказывается в «Слугах старого века».

3.2. Фигуры прибавления в романном художественном мире И. А. Гончарова

Романная структура И. А. Гончарова также изобилует хиазмами. Только в эпилоге «Обыкновенной истории», весьма небольшом по объему, эта фигура речи встречается четырежды. Например: «Доктор уж не раз перекладывал от нетерпения *то левую ногу на правую, то правую на левую*» [Гончаров, 1997, с. 454]. Перед нами, как видим, классический хиазм. Или: «...женишься по любви, — говорил Александр, — любовь пройдет и бу-

дешь жить привычкой; женишься не по любви — и придешь к тому же результату: привыкнешь к жене» [Там же, с. 464] — семантически усложненный хиазм с элементами игры слов.

Своего рода каламбур создает и следующий хиастический оборот: «Когда я любил... — отвечал Александр в раздумье, — тогда женитьба не давалась...». — «А теперь женишься, да любовь не дается, — прибавил дядя, и оба они засмеялись» [Там же]. Своеобразие этого хиазма проявляется и в том, что он сконструирован из двух высказываний персонажей: Александр начинает фразу, Петр Иванович продолжает. В результате перекрестного диалога возникает «крестообразное» изречение — хиазм.

Хиазм создается из диалога Лизаветы Александровны и Александра Адуева: «Вы хотите сказать, ma tante, что теперь я... не умен и... не благороден...». — «Боже сохрани! нет! Но теперь вы умны и благородны... по-другому, не по-моему...» [Там же, с. 467].

Таким образом, множественное употребление подобных фигур прибавления, образующих симметрию (удвоение, кольцо, хиазм), то есть лексико-грамматическую соизмеримость частей, из которых состоят эти риторические конструкции, позволяет прийти к выводу о неслучайности их использования И. А. Гончаровым, они выступают в качестве вполне осознанно конструируемых автором приемов.

3.3. Симметрия фигур речи и «ритмическая проза». Полиритмичность

И. А. Гончаров большое значение придавал структуре произведения, его «постройке», уподобляя работу писателя архитектору, зодчему, о чем он неоднократно упоминал в письмах. Например, в письме к А. Н. Майкову от 11/23 апреля 1859 года И. А. Гончаров написал отклик на его поэму: «...поэма не вся напечатана, из нее вырезано сердце, разрушена ее симметричность, словом она искажена и со стороны архитектуры, и со стороны мысли, а ведь она вся построена на двух столпах, на двух, так сказать, основаниях...» [ЛН, с. 359].

В «Обрыве» также встречается слово *симметрия*: «Да и тетки не могли видеть беспорядка: чуть цветы раскинутся в вазе прихотливо, входила Анна Васильевна, звонила девушку в чепце и приказывала собрать их в симметрию» [Гончаров, 2004, с. 18]. Или: «Она (Софья. — Г. Б.) засмеялась и стала собирать в симметрию цветы...» [Там же, с. 30]. Райский, пытающийся «оживить» Софью Беловодову, говорит ей: «Цветы не будут стоять так симметрично в вазах, и всё здесь заговорит о любви» [Там же, с. 36]. Не вдаваясь в комментарий, заметим лишь, что слово *симметрия* употребляется с различной коннотацией, но значимость этого понятия в контексте творчества И. А. Гончарова несомненна. Нас понятие симметрии интере-

сует прежде всего в соотношении с понятием «ритм», поскольку оба они являются идентичными категориям соразмерности, пропорциональности, одинаковости.

Наблюдения над прозой И. А. Гончарова позволяют прийти к выводу о ее полиритмичности [Багаутдинова, 2022]. Термин *полиритмичность* образован нами по аналогии с термином *полиритмия*, употребляемым в музыкальном мире, в котором *полиритмия* означает «одновременное сочетание двух или нескольких ритмических рисунков» [БЭС, с. 171].

В контексте работы *полиритмичность* означает употребление разных ритмообразующих факторов, определяющих как уровень формы, так и уровень содержания ритмической организации текста, то есть употребление разных ритмических единиц в том или ином контексте, например: звуковые повторы «ритмической прозы» и тематические повторы «орнаментальной прозы»; синтаксический параллелизм «ритмической прозы» и «семантическая плетенка» «орнаментальной прозы»; звуковые повторы и симметрия, которую образует система персонажей, и т. д.

Подобные пассажи в поздних очерках И. А. Гончарова особенно частотны в «Литературном вечере». Например, факторы «орнаментальной прозы» (инверсия, анафора, тавтология, градация) и «ритмической прозы» [Жирмунский, 1966] — синтаксический параллелизм — прослеживаются в той части очерка, в которой Чешнев рассуждает о русском народе: «...но лишь только *явится туча* на горизонте, / *загремит война*, / *постигнет* Россию *зараза, голод* — // смотрите, / *как соединяются* все нравственные и вещественные *силы*, / *как все сливается* в одно чувство, в одну мысль, в одну волю...» [Гончаров, 1980, с. 106]. В данном фрагменте наблюдается параллелизм двусоставных нераспространенных предложений, построенных на основе инверсии: *явится туча, загремит война, постигнет зараза, голод* (однородные подлежащие). Кроме того, в этом сложном предложении параллелизм создают составляющие его предложения, соединенные союзом *как* + сказуемое (местоимение *все*) + определения (однородные: *нравственные и вещественные*) + подлежащее (*силы*) и союз *как* + подлежащее (*всё*) + сказуемое (*сливается*) + однородные дополнения (*чувство, мысль, волю*).

Разнообразие ритмическому рисунку придают инверсии сказуемых, местоимения (подлежащего), использование различных ритмообразующих средств (параллелизм различных типов предложений, перечисление однородных определений, дополнений), орнаментальных средств (тавтологический повтор предлога «в», употребление лексем *одно, одну* (2 раза) — все вместе создает градацию).

Синтаксический параллелизм предложений и полиптотон, образующий эпифору, наблюдаются и в эпизоде, в котором профессор рассуждает о том,

каким должен быть роман: «а) Одни писатели дорожат более всего своею идеею, // так сказать, внутреннюю задачу, / заботясь о том, что выразить; / для них искусство — средство, а не цель; б) // другие, напротив, увлекаются *формой*, // дорожа тем, как выражать; // с) наконец, третьи, первоклассные таланты, счастливо соединяют в себе и содержание, и *форму*» [Гончаров, 1980, с. 82]. Ритм образуется троекратным повторением одинаково построенных предложений: подлежащие, выраженные местоимениями (*одни, другие, третьи*) и существительным, + сказуемое (*дорожат, увлекаются, соединяют*) + дополнения (идеею, формой). Очень часто в «ритмической прозе» встречаются однородные члены предложения, соединенные союзом: *и содержание, и форму*. Кроме того, эпифору образует тавтологический повтор в конце соотносящихся предложений (б и с) существительного *форма*, но в разных падежах (полиптотон): *формой* и *форму*.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, орнаментальные средства являются в прозе И. А. Гончарова не только принадлежностью стиля «орнаментальной прозы», а весьма мощным структурообразующим и ритмообразующим принципом: неоднократный (не менее трех раз для возникновения ритма) повтор орнаментальных средств, их различных комбинаций создает симметрию — ритм прозы.

Текстуальные наблюдения над художественными произведениями И. А. Гончарова позволяют прийти к выводу об их полиритмичности. В качестве ритмообразующих факторов выступают многообразные приемы, присущие различным видам ритмически организованной прозы, в частности, «орнаментальной прозы» и «ритмической прозы». Использование риторических фигур, основанных на симметрии, а также соединение даже в небольшом контексте приемов «орнаментальной прозы» и «ритмической прозы» — синтаксический параллелизм — придает строгую упорядоченность художественным текстам писателя. Проникновение какой бы то ни было асимметрии упорядочивается другими уровнями текста.

Если отталкиваться от наблюдений В. Шмида, исследовавшего «орнаментальную прозу» Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, А. П. Чехова, то своеобразие «орнаментальной прозы» И. А. Гончарова, в отличие от «аморфности» стиля ее предшественников и последователей, проявляется в строго организованном порядке, четко структурированности, упорядоченности. Возникает своего рода геометрическая симметрия. «Орнаментальный» рисунок писателя строго геометрически задан, подобно ландшафту и архитектуре Санкт-Петербурга — городу, в котором, как известно, писатель прожил почти всю свою жизнь.

**Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.**

**The author declare no conflicts
of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БЭС — *Большой энциклопедический словарь* : в 2 томах / гл. ред. А. М. Прохоров. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. 2. — 768 с.
2. *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений : в 20 томах / И. А. Гончаров. — Санкт-Петербург : Наука, 1997—2004. — Т. I—VII.
3. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений : в 8 томах / И. А. Гончаров. — Москва : Правда, 1952. — Т. 7. — 503 с.
4. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений : в 8 томах / И. А. Гончаров. — Москва : Художественная литература, 1980. — Т. 7. — 462 с.
5. ЛН — *Литературное наследство* / ответственные редакторы : С. А. Макашин, Т. Г. Динесман. — Москва : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. — 735 с.
6. ЛЭС — *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 751 с.
7. *Поэтика* : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. — Москва : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. — 357 с. — ISBN 978-5-903955-01-5.

Литература

1. *Багаутдинова Г. Г.* Идеал жизни Ильи Ильича Обломова : анализ ритмической структуры прозаического фрагмента (глава IV, часть 2 романа И. А. Гончарова «Обломов») / Г. Г. Багаутдинова // *Русская словесность*. — 2021. — № 4. — С. 100—105.
2. *Багаутдинова Г. Г.* Ритмообразующие принципы в «Слугах старого века» И. А. Гончарова / Г. Г. Багаутдинова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2018. — № 6 (84). — Часть 1. — С. 12—15. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-1.2.
3. *Багаутдинова Г. Г.* Факторы «ритмической прозы» и «орнаментальной прозы» в дневнике Бориса Райского («Обрыв» И. А. Гончарова) / Г. Г. Багаутдинова // *Филология и культура. Philology and Culture*. — 2022. — № 2 (68). — С. 71—76. — DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-71-76.
4. *Береговская Э. М.* Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. — Москва : Рохос, 2004. — 208 с. — ISBN 5-9519-0021-2.
5. *Гаспаров М. Л.* Опозиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха / М. Л. Гаспаров // *Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития*. — Москва : Наука, 1985. — С. 264—277.
6. *Голубков М. М.* Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы. 20—30-е гг. / М. М. Голубков. — Москва : Наследие, 1992. — 199 с.
7. *Гузь Н. А.* Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова / Н. А. Гузь // *Мир науки, культуры, образования*. — 2013. — № 4 (41). — С. 3—6.
8. *Долгополов Л. К.* Андрей Белый и его роман «Петербург» / Л. Долгополов. — Ленинград : Советский писатель, 1988. — 413 с.
9. *Жирмунский В. М.* О ритмической прозе / В. М. Жирмунский // *Русская литература*. — 1966. — № 4. — С. 103—115.
10. *Кожевникова Н. А.* Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой / Н. А. Кожевникова // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. — 1976. — Т. 35. — № 1. — С. 55—76.

11. Колобаева Л. А. «Право на субъективность» (А. Ремизов и Л. Шестов) / Л. А. Колобаева // Вопросы литературы. — 1994. — № 5. — С. 44—76.
12. Коновалова О. Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. : к вопросу о соотношении / О. Ф. Коновалова // Труды Отдела древнерусской литературы. Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. — Москва ; Ленинград : Наука, 1966. — Т. XXII. — С. 101—112.
13. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1978. — 303 с.
14. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков : Эпохи и стили / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Наука, 1973. — 254 с.
15. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова / С. Матхаузерова. — Praha : Univ. karlova, 1976. — 145 с.
16. Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Л. А. Новиков. — Москва : Наука, 1990. — 180 с. — ISBN 5-02-011026-4.
17. Пекарская И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) / И. В. Пекарская // Вестник Хакасского государственного университета им.Н. Ф. Катанова. — 2017. — № 21. — С. 83—95.
18. Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке / Г. М. Прохоров // Труды Отдела древнерусской литературы. — Ленинград : Наука, 1968. — Т. 23. — С. 68—108.
19. Пырков И. В. Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов) / И. В. Пырков. — Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. — 392 с. — ISBN 978-5-7924-1255-2.
20. Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки / Б. В. Томашевский. — Москва : ГИХЛ, 1959. — 479 с.
21. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.
22. Шмид В. Проза как поэзия : Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард / В. Шмид. — Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 1998. — 352 с. — ISBN 5-87135-063-1.
23. Kasack W. Ein Meister auch der kleinen Form. Ivan Gončarov Erzählung. Ein Mai in Petersburg / W. Kasack. — Köln, Wien : Bohlau-Verlag Publ., 1989. — S. 71—77.
24. Thirgen P. Literarische Arkadienbilder im Russland des 18. und 19. Jahrhunderts / P. Thirgen. — Hundisburg : Kultur-Landschaft Haldensleben-Hundisburg, 2007. — S. 169—193.

Статья поступила в редакцию 08.03.2023,
одобрена после рецензирования 12.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

- BES — *A large encyclopedic dictionary: In 2 volumes*, 2. (1991). Moscow: Soviet Encyclopedia. 768 p. (In Russ.).
- Goncharov, I. A. (1952). *Collected works: In 8 volumes*, 7. (1952). Moscow: Pravda. 503 p. (In Russ.).
- Goncharov, I. A. (1980). *Collected works: In 8 volumes*, 7. Moscow: Fiction. 462 p. (In Russ.).
- Goncharov, I. A. (1997—2004). *Complete works: In 20 volumes, I—VII*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).

- LES — *Literary encyclopedic dictionary*. (1987). Moscow: Soviet Encyclopedia. 751 p. (In Russ.).
- LN — *Literary heritage*. (2000). Moscow: IMLI RAS: Heritage. 735 p. (In Russ.).
- Poetics: dictionary of actual terms and concepts*. (2008). Moscow: Kulagina Publishing House: Intrada. 357 p. ISBN 978-5-903955-01-5. (In Russ.).

References

- Bagautdinova, G. G. (2022). Factors of “rhythmic prose” and “ornamental prose” in the diary of Boris Raisky (“Cliff” by I. A. Goncharov). *Philology and Culture. Philology and Culture*, 2 (68): 71—76. DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-71-76. (In Russ.).
- Bagautdinova, G. G. (2018). Rhythm-forming principles in “Servants of the Old Century” I. A. Goncharova. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6 (84) / 1: 12—15. DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-1.2. (In Russ.).
- Bagautdinova, G. G. (2021). The Ideal of Ilya Ilyich Oblomov’s Life: analysis of the rhythmic structure of a Prose fragment (Chapter IV, Part 2 of I. A. Goncharov’s novel *Ob-lomov*). *Russian Literature*, 4: 100—105. (In Russ.).
- Beregovskaya, E. M. (2004). *Essays on expressive syntax*. Moscow: Rokhos. 208 p. ISBN 5-9519-0021-2. (In Russ.).
- Dolgopopolov, L. K. (1988). *Andrey Bely and his novel “Petersburg”*. Leningrad: Soviet Writer. 413 p. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (1985). Opposition “verse — prose” and the formation of Russian literary verse. In: *Russian versification. Traditions and development problems*. Moscow: Nauka. 264—277. (In Russ.).
- Golubkov, M. M. (1992). *Lost alternatives. Formation of the monistic concept of Soviet literature. 20—30-ies*. Moscow: Heritage. 199 p. (In Russ.).
- Guz, N. A. (2013). Rhythmic organization in the novels of I. A. Goncharov. *World of science, culture, education*, 4 (41): 3—6. (In Russ.).
- Kasack, W. (1989). *Ein Meister auch der kleinen Form. Ivan Gončarov Erzählung. Ein Mai in Petersburg*. Köln, Wien: Bohlau-Verlag Publ. 71—77. (In Germ.).
- Kolobaeva, L. A. (1994). “The right to subjectivity” (A. Remizov and L. Shestov). *Questions of literature*, 5: 44-76. (In Russ.).
- Konovalova, O. F. (1966). “The weaving of words” and the braided ornament of the end of the XIV century.: on the question of the ratio. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. The interaction of literature and fine art in Ancient Russia, XXII*. Moscow; Leningrad: Nauka. 101—112. (In Russ.).
- Kozhevnikova, N. A. (1976). From observations on non-classical (“ornamental”) prose. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language*, 35 (1): 55—76. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1978). *Poetics of Ancient Russian literature*. Moscow: Nauka. 303 p. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1973). *The development of Russian literature of the X—XVII centuries: Epochs and styles*. Leningrad: Nauka. 254 p. (In Russ.).
- Matkhauserova, S. (1976). *Ancient Russian theories of the art of words*. Praha: Univ. karlova. 145 p. (In Russ.).
- Novikov, L. A. (1990). *Stylistics of ornamental prose by Andrey Bely*. Moscow: Nauka. 180 p. ISBN 5-02-011026-4. (In Russ.).
- Pekarskaya, I. V. (2017). On existing typologies of stylistic figures (analytical review). *Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*, 21: 83—95. (In Russ.).

- Prokhorov, G. M. (1968). Hesychasm and social thought in Eastern Europe in the XIV century. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*, 23. Leningrad: Nauka. 68—108. (In Russ.).
- Pyrkov, I. V. (2017). *Nest over the cliff. Rhythm, space and time in the Russian manor literature of the XIX century (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)*. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy. 392 p. ISBN 978-5-7924-1255-2. (In Russ.).
- Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).
- Schmid, V. (1998). *Prose as poetry: Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, avangard*. Saint Petersburg: INAPRESS. 352 p. ISBN 5-87135-063-1. (In Russ.).
- Thirgen, P. (2007). *Literarische Arkadienbielder im Russland des 18. und 19. Jahrhunderts*. Hundisburg: Kultur-Landschaft Haldensleben-Hundisburg. 169—193. (In Germ.).
- Tomashevsky, B. V. (1959). *Verse and Language*. Philological essays. Moscow: GIHL. 479 p. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1966). On rhythmic prose. *Russian literature*, 4: 103—115. (In Russ.).

*The article was submitted 08.03.2023;
approved after reviewing 12.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*